

Сирены, или странствие по стране смерти

Михаил Евзлин

It is the aim of this paper to reinterpret Old Greek »singing« deities, the sirens, described mainly in Homer's Odyssey, but also in later sources from antiquity. The author first analyzes cosmological parameters of Homer's work, suggests an innovative view of the structure and organization of the world, and emphasizes the chthonic character of the cosmos through which Odysseus travels. The hero's journey to Ithaca, during which he encounters different elements of the chthonic world, thus resembles a journey to the land of the dead. The author especially emphasizes the semiotic explanation of the meeting of Odysseus with the sirens. The paper also contains a typological comparison of sirens with other chthonic creatures from the same mythological tradition (Harpies, Scylla and Carybde), etc.), and analyzes other motifs from the Greek epic tradition within the general mythological framework of »chthonism«.

О происхождении Сирен Аполлодор сообщает две версии: в первой говорится, что Сирены родились от речного бога Ахелоя и музы Мельпомены (*Bibl.* I, iii, 4), во второй — от Ахелоя и Стеропы (*Bibl.*, I, vii, 10). Существенным представляется “единство отца” — Ахелоя, сына первобогов Океана и Тефиды, брата Океанид, имеющих сферой своего обитания как землю, так и “водные бездны” (*Hes., Th.*, 365). Плутарх цитирует слова Одиссея из неизвестной трагедии Софокла (*Quest. conv.*, IX, 14, 6): *Сирены, дочери Форка, мне поведали / Закон Аида*¹. Это происхождение Сирен от Форкия, сына Геи и Понта, заслуживает внимания, хотя и не находит подтверждения в других источниках. И действительно, отцовство Форкия объяснило бы хтонический и чудовищный характер Сирен в большей мере, чем связь с Ахелоем². Хтоничность Сирен явно обозначена у Еврипида в обращении к ним как дочерям Земли (*Hel.*, 167).

В литературных источниках Сирены впервые упоминаются в рассказе о странствии Одиссея в страну мертвых. Одиссей проплывает около острова Сирен после возвращения из Аида. От острова Цирцеи Одиссей (согласно его собственному рассказу) плывет через море и подходит к пределу глубокотекущего Океана (ἐς πείρα ἵκωνε βαθυρροῦν Ὠκεανῶο. *Od.* XI, 14)³. Затем спутники Одиссея вытаскивают корабль на берег и идут пешком по течению Океана (παρὰ ῥοῶν Ὠκεανῶο. *Od.* XI, 21) до указанного Цирцеей места. Это место находится в точке, где сливаются реки под-

¹ Цит. по: Плутарх, *Застольные беседы*, Л. 1990.

² Согласно Гесиоду от Форкия и Кето, детей Земли и Понта, рождаются Граи, Горгоны, Ехидна и страшный змей (*Th.*, 270-336).

³ Здесь и далее цит. в пер. В. А. Жуковского по: Гомер, *Одиссея*, Academia, М.-Л. 1935. Греческий текст цит. по: Omero, *Odissea*, Einaudi, Torino 1989.

земного мира: *Быстро бежит там Пирифлегетон в Ахероново лоно / Вместе с Коцитом, великою ветвю Стикса (Od. X, 513-514)*. Соединение двух рек в Ахеронте обозначается “скалой” (X, 515)⁴.

Цирцея говорит Одиссею: *когда же / Ты, Океан в корабле поперек переплывши, достигнешь / Низкого берега, где дико растет Персефонин широкий / Лес из ракушек, свой теряющий плод, и из тополей черных, / Вздвинув на брег, под которым шумит Океан водовратный, / Черный корабль свой, вступи в Аидову мгlistую область (X, 507-512)*. Таким образом, в действительности Одиссей плывет не по морю, а по Океану, пересекая который он оказывается у пределов подземной страны. О том, что противоположный берег Океана есть также предел подземного мира, свидетельствует отсутствие солнца: *Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана; / Там киммериян печальная область, покрытая вечно / Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет / Окулюдей там лица лучезарного Гелиос, землю ль / Он покидает всходя на звездами обильное небо, / С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь; / Ночь безотрадная там искони окружает живущих (XI 13-19)*. Таким образом, *город киммериян* (Κίμμεριών πόλις) может быть только городом мертвых, более того, непогребенных мертвых, которые вследствие этого не могут войти в подземную страну. Этому предположению как будто бы противоречит встреча Одиссея с тенью непогребенного Эльпинора, однако угрозы, произносимые этим последним на случай, если он останется без погребения (*...чтоб гнева / Мстящих богов на себя не навлек ты мою бедою. XI, 72-73*) свидетельствует об исключительной важности правильного похоронного обряда для посмертной судьбы покойного. Оставаясь без погребения, тени мертвых, как можно предположить, становятся “жителями” промежуточного города киммериян, где ожидают решение своей окончательной судьбы.

Соединяя рассказ Одиссея с указаниями Цирцеи, а эти последние с гесиодовской топографией подземного мира, можно предположить следующую схему странствия Одиссея в страну мертвых. Переплывая Океан, Одиссей оказывается в стране мертвых. Следуя течению Стикса, он приходит к скале, около которой сливаются (или берут начало) три реки подземного мира: Ахеронт, Пирифлегетон и Коцит, который, являясь ответвлением Стикса, может рассматриваться как ее непосредственное продолжение. У Гесиода Стикс является внутренней (или подземной частью) Океана, который обтекает не только землю, но и море: *Под землю пространной / Долго она [вода] из священной реки протекает средь ночи, / Как океанский рукав. Десятая часть ей досталась / Девять частей всей воды вокруг земли и широкого моря / В водоворотах серебряных вьется и в море впадает (Th., 787-791)⁵*. Океан, хотя он и отец Стикса (Th., 776), является наземным продолжением подземной реки. Обтекая землю и море, он обозначает пределы верхнего организованного мира, отделяя его от нижнего, в котором концентрируются чудовища и тени умерших.

Вестница богов Ирида, отправляясь за водой Стикса, вытекающей из скалы (Th., 784-787), т. е. перемещаясь из верхнего мира в нижний, идет *по хребту широчайшего моря* (ἐπ' εὐρέα νότα θαλάσσης, Th., 781)⁶. Можно предположить, что в действительности она следует течению Океана, переходя таким образом из одного пространственного измерения в другое, т. е. движение Океана должно обозначать

⁴ У Гесиода скала обозначает пункт, из которой вытекает вода священной реки (Th., 786-787).

⁵ Здесь и далее *Теогония* Гесиода цит. в пер. В. В. Вересаева по: *О происхождении богов*, М. 1990.

⁶ Греческий текст цит. по: Esiodo, *Teogonia*, Milano 1992.

также разворачивание мирового пространства, которое изливается из первобытной “скалы”. Ирида собирает воду, которая непосредственно вытекает из скалы (ἐκ λέτρης *Th.*, 786). Это последнее обстоятельство позволяет предположить, что, подобно тому как воды Океана являются вторичными по отношению к водам Стикс, так и воды Стикс являются вторичными по отношению к воде вытекающей непосредственно из скалы, и к этим водам относится наименование *священной реки*. В силу этого своего *первичного* качества они используются для клятвы богов.

Таким образом, вода подземного мира не является единой, но содержит в себе различия в соответствии с исполняемой функцией: вода, вытекающая из скалы служит для клятвы богов; Океан отделяет верхний мир от нижнего; через подземную Стикс осуществляется переход от закрытой “каменной” воды к открытым водам Океана и моря. Переплывая Океан, Одиссей достигает границы нижнего мира, в который он входит, следуя течению подземной реки Стикс, т. е. Одиссей прибывает к пункту, в котором оканчивает свое течение подземная Стикс и начинается свое движение наземный Океан. В этом пункте оканчиваются все земные пути, и поэтому Одиссей и его спутники вытаскивают корабль на берег и дальше идут уже пешком. Двигаясь по берегу подземной реки, Одиссей достигает места, где сливаются реки нижнего мира. В этом месте, у скалы, происходит встреча Одиссея с тенями умерших. Символика “скалы” у Гесиода как центрального пункта нижнего мира, из которого вытекает вода, которая по мере своего движения становится водой жизни, но в самой себе, в своем “каменном” начале она есть вода смерти, делает архетипически логичной локализацию места встречи живого с мертвыми у скалы, у которой сливаются реки подземного мира.

Вообще удивляет легкость, с какой Одиссей достигает страны мертвых и возвращается из нее: *мы спокойно / Плыли; корабль наш бежал, повинясь кормилу и ветру. / Были весь день паруса путеводным дыханием полны. / Солнце тем временем село, и все потемнели дороги. / Скоро пришли мы к глубоко текущим водам Океана* (XI, 9-13); *Быстро своим кораблем Океана поток перерезав, / Снова по многоиспытному морю пришли мы на остров / Ею* (XII, 1-3). Из этого рассказа Одиссея между прочим следует, что вначале он плывет по Океану, а потом по морю: *Ἀὐτὰρ ἐπεὶ ποταμοῖο λίπεν ῥόον Ὀκεανοῖο / νῆϊς ἀπὸ δ’ ἵκετο κῆμα θαλασσοῦς* (XII, 1-2: «Затем реки Океана течение оставив, | корабль достиг волны моря»), что в точности соответствует указанию Цирцеи: *ἀλλ’ ὁπότ’ ἔνδ’ ἴδῃ νῆϊ δι’ Ὀκεανοῖο περήσης* (X, 508): «и переплыв с кораблем Океан»). Обращает на себя внимание, что *по ту сторону Океана*, т. е. у пределов страны мертвых, Одиссей не встречает ни одного чудовища-стража. Создается впечатление, что тени мертвых свободно передвигаются с места на место без того, чтобы кто-то им в этом препятствовал повинясь исключительно своим “бессознательным влечениям”: *Сам я барана и овцу над ямой глубокой зарезал; / Черная кровь полилася в нее, и слетелась толпою / Души усопших, из темных бездн Эреба поднявшись* (XI, 35-37)⁷.

⁷ *οἱ δ’ ἀγέροντο / ψυχὰι ὑπὲξ Ἑρέβου νεκρῶν κατατεθνηῶτων* (36-37: «собрались | души умерших, [выйдя] из Эреба»). Из этой фразы можно сделать заключение, что Эреб является *специфическим местом* пребывания душ умерших, из которого они выходят *через яму*, привлеченные запахом крови жертвенного животного. Таким образом, Одиссей, хотя и находится в нижнем мире, встречается с мертвыми не непосредственно в их “сфере обитания” — в Эребе, а у ее предела, обозначенного подземными реками.

В описании Гесиода у входа в подземный мир сидит *сторожем пес беспощадный и страшный* (Th., 769), который встречает *всех проходящих, / Мягко виляя хвостом, шевеля добродушно ушами. / Выйти ж назад никому не дает, но, наметясь, хватает / И пожирает, кто только попробует царство покинуть / Мощного бога Аида и Персефоны ужасной* (770-774). У Вергилия трехглавый Цербер находится *по ту сторону* Стикс, т. е. непосредственно в стране мертвых. Думается, его функция является параллельной и дополняющей по отношению к функции, выполняемой перевозчиком мертвых Хароном: он не должен перевозить непогребенных мертвых (*Nec ripas datur horrendas et rauca fluenta / Transportare prius, quam sedibus ossa quierunt. Verg., Aen., VI, 327-328*)⁸, а также живых (*Corpora viva nefas stygia vectare carina. 391*). О возможности инцидентов в этой системе свидетельствует то обстоятельство, что вначале Тесей и Пирифой, а потом Геракл силой заставляют Харона перевести их в царство мертвых (*Nec vero Alciden ne sum laetatus euntem / Accepisse lacu nec Thesea Pirithoumque, / Dis quamquam geniti atque invicti viribus essent. 392-394*). Цербер, как можно предположить, осуществляет окончательный “отбор”, пожирая незаконно добравшихся до внутреннего царства непогребенных мертвых или живых. Если бы Сибилла не усыпила Цербера лепешкой, то он бы съел как ее, так и Энея, не взирая на золотую ветвь из рощи Персефоны, которая позволила им переправиться через Стикс.

Одиссей переплывает Океан, доходит до утеса, под которым он свободно общается с тенями умерших, без какого-либо препятствия со стороны жителей подземной страны. По сравнению с вергилиевым адом (и даже гесиодовским) она кажется пустой. С чудовищами Одиссей встречается не в Аиде, а странствуя по морю, на пути к острову Тринакрия, где *издавна / Гелиос тучных быков и баранов пасет там на пышных, / Злачных равнинах* (XII, 127-129). За животными следят нимфы Фаэтуса и Лампетия, дочери Бога Солнца от океаниды Нееры: *Светлая мать, дочерей воспитавши, в Тринакрии знойной / Их поселила, чтоб там, от людей в удалении* (τηόλη), *девы / Тучных быков и баранов пасли неусыпно* (XII, 134-136). Это весьма неопределенное указание на местонахождение острова конкретизируется, как нам кажется, в речи разгневанного Гелиоса: *Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги / Жалуюсь вам на людей Одиссея, Лаэртиова сына! / Дерзко они у меня умертвили быков, на которых / Так любовался всегда я – всходил ли на звездное небо, / С звездного ль неба сходил и к земле ниспускался* (XII, 377-381). Таким образом Гелиос видит свой остров в момент восхода и захода, т. е. в двух точках, разделенных как во времени, так и в пространстве. В таком случае, где находится остров Гелиоса? Совершенно очевидно, что его следует искать за пределами мирового пространства, т. е. *по ту сторону* Океана. Это означает, что Одиссей в действительности плывет не по морю, а снова переплывает Океан и оказывается в *точке*, в которой *оканчиваются/ начинаются* земные пути и *сворачивается/разворачивается* мировое пространство.

Отплывая из Трои, Одиссей незаметно для самого себя входит в *другое* пространственно-временное измерение которое приводит его на остров Гелиоса, т. е. в точку, в которой его путь должен был бы окончательно свернуться, а потом снова развернуться, выведя его в нормальное пространство, если бы его товарищи не съели священных быков Гелиоса. Здесь явно обозначается мотив “запретной пищи” страны мертвых, после вкушения которой делается абсолютно невозможным

⁸ Латинский текст цит. по: Virgilio, *Eneide*, Einaudi, Torino 1989.

возвращение в мир живых. И действительно, едва корабль отплывает с острова, как *восстала великая бури тревога (XII, 408) и все разом товарищи были / Сброшены в воду, и все, как вороны морские, рассеясь, / В шумной исчезли пучине (XII, 417-319)*. Спасается только Одиссей, который не ел запретного мяса. Вообще тема еды имеет в странствии Одиссея определяющее значение. И действительно, до прибытия на остров Гелиоса кто-то всегда ел спутников Одиссея: сначала их пожирает циклоп Полифем, потом лестригоны, и наконец Цирцея превращает их в свиней в намерении, как можно предположить, пополнить свои запасы свежего мяса: *Плачущих всех заперла их в закутке волшебница, бросив / Им желудей и свинины и буковых диких орехов / В пищу, к которой так лакомы свиньи, любящие рылом / Землю копать (X, 241-244)*. Теперь они сами едят “хтоническое” мясо, и это поглощение становится гибельным для всех — всех их, а не только некоторых, как-то было до сих пор, поглощает водная бездна.

Отправляясь с острова Цирцеи по направлению к острову Гелиоса, корабль Одиссея должен сначала проплыть около острова Сирен, как о том сообщает ему богиня:

Прежде всего ты увидишь Сирен; неизбежную чарой
Ловят они подходящих к ним близко людей мореходных.
Кто, по незнанию к тем двум чародейкам приблизишься, их сладкий
Голос услышит, тому ни жены, ни детей малолетних
В доме своем никогда не утешить желанным возвратом:
Пением сладким Сирены его очаруют, на светлом
Сидя лугу; а на этом лугу человечьих белет
Много костей, и разбросаны тлеющих кож там лохмотья.

(XII, 39-46)

Следует предположить, что как в случае циклопов, лестригонов, Скиллы и, по всей видимости, самой Цирцеи, Сирены не просто иммобилизуют подходящих к ним людей, а пожирают их, обнаруживая таким образом свое изначальное качество чудовищ нижнего мира⁹, поджидающих приходящих к ним мертвых. А посему определение Сирен как дочерей Форкии, *знающих закон Аида*, думается, имеет непосредственное отношение к этой функции Сирен как чудовищ Страны Смерти.

Определение Сирен как “ангелов смерти”¹⁰ представляется совершенно неоправданной модернизацией архаичных представлений. Изображение Сирен на надгробных памятниках с крыльями¹¹, вовсе не делает из них воплощения души или ангелоподобные существа. Ангел (ἄγγελος) есть *вестник*, т. е. тот, кто перемещается в пространстве, символом которого являются крылья. Сирены у Гомера сидят неподвижно *на лугу* (ἐν λειμῶνι. XII, 45), без всякого упоминания о крыльях. И в самом деле, Сирены в отличие, например, от Гарпий никогда не нападают на проходящих мимо людей, а, скрытые скалами, ждут, пока они сами к ним подойдут. Аполлодор сообщает о Сиренах: «Одна из Сирен играла на кифаре, другая пела, третья играла

⁹ О Сиренах как демонах нижнего мира см.: J. E. Harrison, *Prolegomena to the Study of Greek Religion*, London 1962, p. 200.

¹⁰ J. E. Harrison, *Cit.*, p. 204.

¹¹ Иконографический материал, относящийся к Сиренам см. в.: J. E. Harrison, *Cit.*, pp. 197-207, а также: А. Ф. Лосев, *Сирены*, в: *Мифы народов мира*, т. 2, М. 1988 (далее — *МНМ*), с. 438.

на флейте: так Сирены завлекали к себе проплывающих мимо моряков. Начиная с бедер он имели тело птицы» (*Epit.*, VII, 18-1). Кифара и флейта служат для завлечения мореплавателей, функция же крыльев остается без всякого объяснения. Сходным образом Сирены представляются у Аполлония Родосского: своим пением они завлекают проплывающих мимо людей, поджидая их сидя на камнях (ApoII. Rhod. IV, 893-895), и хотя частью они птицы, для чего им нужны крылья, не говорится¹².

Эти бесполезные крылья можно, разумеется, рассматривать в качестве декоративной принадлежности или выводить из ассоциации с птичьим пением. В данном случае, думается, крылья имеют другое значение, указывая на демонический, чудовищный характер Сирен. Вообще крылья можно рассматривать в качестве основного атрибута демонических существ: с крыльями изображались Керы, Горгоны и даже Тифон¹³. И тем не менее, несмотря на присутствие крыльев, для чудовищных существ более характерна неподвижность, чем движение, которое у них всегда имеет чисто деструктивное назначение: Керы приносят смерть, Горгоны превращают в камень¹⁴, Тифон преследует богов. Поэтому, хотя Сирены наделяются крыльями, эти последние остаются без всякого употребления. Впервые Сирены поднимаются в воздух у Овидия:

Но у вас, Ахелюевы дочери, птичьи
Перья и ноги зачем? Ведь раньше вы девами были!
Иль оттого, что, когда собирала цветы Прозерпина
Вешние, были вы с ней, сирены ученые, вместе?
После по миру всему ее вы напрасно искали,
И чтобы даже моря про вашу узнали заботу,
Вскоре над зыбью морской на крыльях-веслах держаться
Вы пожелали, и к вам божества благосклонность явили:
Руки и ноги у вас вдруг желтыми стали от перьев!

(*Met.*, V, 552-560)¹⁵

Существенно здесь, однако, не превращение Сирен в птиц, а их изначальная связь с Прозерпиной, Хозяйкой подземной Страны Смерти. Согласно Гигину, «Сирены, дочери реки Ахелоя и музы Мельпомены, после похищения Прозерпины

¹² Ср. описание Сирен у Гигина: «Потом он [Улисс] прибыл к Сиренам, дочерям Музы Мельпомены и Ахелоя, которые были сверху женщины, а нижнюю часть тела имели куриную» (*Fab.*, 125; цит. по: Гигин, *Мифы*, СПб. 1997).

¹³ *Тифон*. Терракота. Ок. 500 до н. э. Рим, Музей виллы Джулия, в: *MHM*, т. 2, с. 514. Согласно Аполлодору, все тело Тифона было покрыто перьями (*Bibl.*, I, vi, 3).

¹⁴ В обычном своем состоянии Горгоны, как правило неподвижны — покоятся на ложе. И только после того, как Персей обезгалвил Медузу, они «встав с ложа, кинулись преследовать Персея» (ApoII., *Bibl.*, II, iv, 3).

¹⁵ О том, как Сирены превратилась в полурыб, остается только догадываться. Заслуживает внимания весьма остроумная версия просвещенного комментатора XVII века: Сирены почувствовали себя столь оскорбленными тем, что корабль Одиссея, не остановившись, прошел мимо, что попадали в море, превратившись в полурыб (*Tableaux du Temple des Muses...*, par M. de Marolles, Abbé de Villeloin, Paris 1655). Эту двойную метаморфозу он придумывает не по незнанию мифа, а из нежелания, как можно предположить, отнять у Сирен столь пикантную подробность как рыбий хвост. Наша же цель состоит в том, чтобы освободить Сирен не только от чешуи, но и от перьев, вернув их, так сказать, к «голому» архетипу.

блуждали и пришли в Землю Аполлона, где по воле Цереры стали пернатыми за то, что не помогли Прозерпине» (*Fab.*, 141). У Аполлония Родосского Сирены до своей чудовищной трансформации пели вместе с дочерью Деметры (IV, 896-898). В этих поздних свидетельствах проступает, как нам кажется, наиболее архаичный слой представления о Сиренах как о демонических существах нижнего мира, с которыми встречается душа умершего в своем загробном странствии¹⁶. Соответственно, знание закона *Аида* – это знание опасностей, ожидающих душу в Стране Смерти¹⁷. Изображение Сирен на погребальных предметах¹⁸, следует, думается, рассматривать не в рамках “апотропаического ритуала”¹⁹, а в контексте архаичных представлений о посмертной судьбе. Изображение чудовищ имели своей целью не отпугивать, а служить *напоминанием* мертвому об опасностях, которые его ожидали в загробном мире. Предупреждения Цирцеи об опасностях, которые пожидают Одиссея и его спутников после отплытия с ее острова получают, таким образом, полноту своего *архетипического значения* в контексте погребального обряда. Цирцея в отличие от других чудовищ является хранительницей *информации*, обладание которой должно сделать мертвого неуязвимым для ожидающих его в загробном мире опасностей. Эти опасности, собственно, сводятся к одной – второй и окончательной смерти.

Эрмий-Гермес, являясь Одиссею на пути к дому Цирцеи, предупреждает его о коварстве волшебницы (X, 276-307). В качестве проводника душ умерших (XXIV, 1-14) Гермес должен обладать точным знанием о загробном мире и его обитателях²⁰, а его присутствие указывать на местонахождение Одиссея. Цирцея говорит: *Я в изумлении, питья моего ты отведал и не был / Им превращен; а доселе никто не избег чародейства, / Даже и тот, кто, не пив, лишь губами к питью прикасался* (X, 326-328). Присутствие Гермеса-проводника душ умерших позволяет предположить, что речь идет о душах, которые странствуют без *проводника*, и поэтому особенно рискуют оказаться во чреве какого-нибудь inferнального жителя. Кто эти одинокие путники, путешествующие без проводника? Надо полагать, что это души мертвых, которые остались без правильного погребения. В Аиде Одиссею является прежде всего душа Эльпенора, прося предать его тело погребению. Отчего это беспокойство? Думается не только от того, что оставив без погребения тело Эльпенора, Одиссей навлек бы на себя гнев “мстящих богов” (XI, 73). Этими богами здесь могут быть

¹⁶ У Платона душа мертвого созерцает веретено Ананке, на восьми кругах которого воосседает по Сирене и каждая издает по одному звуку, вместе составляющих музыку сфер (Plat., *Resp.*, 617b). Собственно, мертвый здесь странствует не по загробному миру, а по его “изнанке”, где перед ним отрывается скрытый механизм мирового функционирования. Присутствие здесь Сирен, думается, можно рассматривать как остаточный элемент сказаний о странствии мертвого и его возвращении с целью информирования живых об увиденном в стране мертвых. Платон сохраняет исключительно внешнюю форму мифа и имена некоторых персонажей (Сирены, Мойры), которые первоначально были демонами подземной страны, интерпретируя их, однако, как универсальные регулирующие принципы мироздания.

¹⁷ О посмертном странствии см.: В. Я. Петрухин, *Загробный мир*, в: *МНМ*, т. 1, сс. 453-454.

¹⁸ Ср. бронзовый сосуд из гробницы Барберини в Пренесте. Ок. 680 до н. э. Рим, Музей виллы Джулия, в: *МНМ*, т. 2, с. 438.

¹⁹ J. E. Harrison, *Cit.*, p. 204; от ἀποτρόπαος – “тот, который удаляет зло”.

²⁰ Гермес вместе с Афиной также помогает Гераклу вывести адского пса из страны теней (XI, 623-626).

только хтонические божества нижнего мира²¹. Один, без помощи проводника мертвых Гермеса, Эльпенор не в состоянии найти дорогу к Асфодилонскому лугу — единственному в загробном мире месту, где душа может чувствовать себя спокойно, не опасаясь быть проглоченной каким-нибудь подземным чудовищем. Но рассчитывать на помощь проводника мертвых она может только в том случае, если над телом совершается правильный похоронный обряд. Поэтому, оставив тело Эльпенора без погребения, Одиссей делается ответственным за его посмертную судьбу, рискуя навлечь на себя гнев божеств мести.

В качестве божества или демона нижнего мира Цирцея знает об его опасностях, о которых она предупреждает Одиссея. Но для того, чтобы получить эту информацию, он должен был *обмануть* волшебницу, что он осуществляет с помощью бога обманов Гермеса. Это последнее обстоятельство делает *архетипически логичным*, что бог обманов есть также бог-проводник мертвых, т. е. он не только указывает путь, но также обманывает стоящих на этом пути чудовищ. Гермес убивает стоглазого бессонного Аргуса, которого можно рассматривать как стража нижнего мира²². Благодаря наставлениям Эрмия, Одиссей избегает чар Цирцеи, а главное вынуждает ее дать *великую клятву* (X, 343-346), после чего он получает доступ к информации, касающейся его дальнейшего пути и существ, которые должны ему на нем встретиться.

Здесь мы непосредственно подходим к вопросу: почему душа умершего непременно должна встретиться на своем пути со всякого рода демоническими существами? И какую функцию они имеют в системе нижнего мира? В высшей степени знаменательно, что греческие чудовища (Hes., *Th.*, 265-336), которые опустошают землю, у Вергилия концентрируются в нижнем мире: *Multaque praeterea variarum monstra ferarum, / Centauri in foribus stabulant Scyllaeque bifformes / Et centumgeminus Driareus ac belua Lerna / Horrendum stridens flammisque armata Chimaera, / Gorgones, Harpyaeque et forma tricorporis umbrae* (*Aen.*, VI, 285-289). Существенно также и другое обстоятельство: переплытие в барке Харона на другой берег не гарантирует мертвым прекращение всех испытаний — одна дорога ведет в Элизиум, а другая в Тартар (*Aen.*, VI, 542-543). Окончательная судьба умершего решается на суде Миноса (*Aen.*, VI, 433) или Радаманта (*Aen.*, VI, 566), после чего души распределяются по различным областям подземного мира или отдаются на растерзание чудовищам (*Aen.*, VI, 570-577). У Вергилия решение принимается не только согласно вине умершего, но также в соответствии с *формой* смерти: умершие в младенчестве, покончившие собой от любви, погибшие в битве помещаются на различных “полях” (*Aen.*, VI, 425-478). Этот формальный критерий, думается, можно рассматривать как наиболее архаичный, лежащий в *архетипическом основании* погребального обряда.

Структура и содержание архаичного погребального обряда определяется в первую очередь зависимостью посмертной судьбы от соответствующих ритуальных действий: «Время между смертью и сожжением — переходный этап, когда в зависимости от ритуально “правильного” или “неправильного” поведения близких может

²¹ Ср., например, Эриний, страшных божеств мести, обитающих в Аиде. Вообще, месть является исключительной функцией хтонических, ночных божеств. У Гесиода божества, осуществляющие возмездия — Мойры, Немесида, Орк (ὄρκος — клятва) — дети Ночи (*Th.*, 211-232).

²² Ср. сидящего у входа в царство мертвых бессонного Цербера, которого сибилла усыпляет лепешкой (*Verg.*, *Aen.*, VI, 417-423).

определилась судьба покойного в загробном мире»²³. Эта судьба определяется степенью *опустошенности* покойника от жизненных сил, изживание которых имеет своей основной целью все ритуальные действия: «Все приготовлено для сожжения тела Патрокла: воздвигнут “столбчатый костер” в ширину и в длину (ποίησαν δὲ πυρὴν ἐκατόμλεδον ἔνθα καὶ ἔνθα. *Ном., II, XXIII, 164*)²⁴, тело на него возложено, но огонь не возгорается. Возникает призрак несостоявшегося, “испорченного” ритуала, за которым маячит катастрофа: земное не будет изжито—опустошено”, а пока земля не отпустила покойного, он не попадет в царство мертвых, и душа его будет мыкаться и мучиться ни там и ни здесь ... Чтобы восстановить порядок, не закрыть бесповоротно дверь в новое космическое устройство, не погубить душу Патрокла, нужны чрезвычайные меры. Ахилл нашел их: он стал молиться ветрам Борею и Зефиру, обещая принести им жертвы за то, что они воспламят костер. Это обращение характерно именно потому, что адресаты его деструктивные, разрушительные, опустошающие силы, происходящие в конечном счете от титанов и сохраняющие в себе эти следы “титанически-хаотического”, но они несут с собой ту катастрофу, которая в данном случае для Патрокла означает спасение для новой жизни в Аиде. Эта катастрофа — воспламенение костра — своего рода “микрокосмический” ἐκτόρωσις, уничтожение огнем человека как образа мира, “исчерпание” всего, что связано с жизнью и с землей»²⁵.

От степени опустошенности от жизненных сил зависит посмертная судьба покойного. Душа, сохраняющая в себе старые связи с жизнью, становится как можно заключить, добычей какого-нибудь inferнального чудовища. И в самом деле, чудовище представляет какой-то один определенный аспект человеческих страстей. Особенно отчетливо это качество демонических существ как воплощения неизжитых влечений обозначается в Сиренах. Существенно в пении Сирен не “сладкозвучие”, а “содержание”, которое неодолимо влечет к себе Одиссея:

К нам, Одиссей богоравный, великая слава ахеян,
К нам с кораблем подойди, сладкопеньем Сирен наслади;
Здесь ни один не проходит с своим кораблем мореходец,
Сердцеусладного пенья на нашем лугу не послушав;
Кто же нас слышал, тот в дом возвращается, многое сведав.
Знаем мы всё, что случилось в троянской земле, и какая
Участь по воле бессмертных постигла троян и ахеян;
Знаем мы всё, что на лоне земли многодарной творится.

(XII, 184-191)

События только окончившейся Троянской войны составляют главную жизненную связь Одиссея. Вообще отличительной и самой замечательной чертой Одиссея является любопытство, которое становится причиной бед как для него самого, так и для его спутников (как в случае с циклопом Полифемом), и одновременно позволяет ему найти выход из безвыходных положений. И поэтому Сирены апеллируют к этой жажде знания о конкретных событиях, которые имели

²³ В. Н. Топоров, *Конные состязания на похоронах*, в: *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд*, М. 1990, с. 20.

²⁴ Быстро сложили костер, в ширину и длину столбчатый (перевод Н. И. Гредича).

²⁵ Там же, сс. 28-29.

(и имеют) непосредственное отношение к жизни героя. Последняя фраза (*Знаем мы всё, что на лоне земли многодарной творится*), которая как будто свидетельствует о всезнании Сирен, имеет своей целью окончательно убедить Одиссея в том, что они в самом деле знают *всё, что случилось в троянской земле*. Таким образом, Сирены обращаются не к желанию знания вообще, не к “метафизическому знанию”²⁶, которое ведет к гибели, а к весьма конкретному жизненному интересу, который продолжают сохранять проходящие мимо острова Сирен души. Если душа вполне опустошена от своей связи с событиями недавней жизни, то она не слышит зова Сирен, а если всё еще является обремененной жизненным интересом, то она слышит их пение и оказывается на “лугу”, где ее ожидает вторая и окончательная смерть.

Аналогичную функцию выполняет Сфинкс, но обращается она с другому аспекту знания, связанному непосредственно с погребальным обрядом²⁷, имевшим своей целью сообщить покойному о его новом состоянии²⁸, а также ввести в его “новое сознание” информацию, которая позволила бы ему выжить в стране смерти. Аполлодор сообщает о Сфинксе: «Она имела лицо женщины, грудь, лапы и хвост льва, а крылья птицы. Узнав загадку от Муз, Сфинкс уселась на Фикейской горе и стала задавать ее фиванцам. Загадка же заключалась в следующем “Какое существо, имея один и тот же голос, становится поочередно четырехногим, двуногим и трехногим» (*Bibl.*, III, v, 8)²⁹. Загадка чудовища, таким образом обращается к жизненной судьбе человека в ее целостности – от рождения до смерти, т. е. она может быть разгадана только человеком вполне изжившим свой биологический цикл.

В версии Гомера миф об Эдипе (*Od.*, XI, 271-280) передается без всякого отношения к Сфинксу. У Гесиода Сфинкс упоминается среди других порождений Ехидны как чудовища, несущего *гибель Кадмейцам* (*Th.*, 326), но об Эдипе как его победителе ничего не говорится. В отношении Лернейской Гидры, Химеры и Немейского льва говорится, кто был их убийцей. В рассказе Аполлодора

²⁶ Ср.: «It is strange and beautiful that Homer should make the Sirens appeal to the spirit, not to the flesh. To primitive man, Greek or Semite, the desire to know – to be as the gods – was the fatal desire» (J. E. Harrison, *Cit.*, p. 198). Оставляя вопрос о “первобытном мышлении”, заметим Сирены вовсе не обещают Одиссею знание о богах, а только рассказывают ему о том, что случилось с троянцами и ахейцами после разрушения Трои. Библейский змей действительно обещает первым людям, что после того, как они вкусят запретных плодов, они будут как боги, знающие добро и зло. В виду того, что этот текст соотносится с вполне определенной культурой, следует вначале ответить на вопрос: о каких богах идет речь – хтонических или небесных? Для так называемого “примитивного” человека не существовало знания вообще, и даже боги не обладали общим для всех знанием.

²⁷ Ср.: «They (Sirens) are mantic creatures like Sphinx with whom they have much in common, knowing both the past and the future» (J. E. Harrison, *Cit.*, p. 199). Они действительно имеют между собой много общего в качестве демонов подземного мира, с которыми встречается в своем странствии душа усопшего. И поэтому их знание никак не может относиться к будущему, которого у мертвого нет, но только к прошлому. И действительно, Сирены обещают рассказать Одиссею о том, *что случилось в троянской земле*, т. е. о событиях прошлого, а Сфинкс задает загадку, которая вообще не имеет никакого отношения ни к какому конкретному времени. Эта обращенность к прошлому или к некоей вневременности может служить дополнительным указанием на то, что речь идет о чудовищах, которые изначально населяли подземную страну смерти.

²⁸ Эта информативная функция похоронного обряда засвидетельствована в тибетской *Истории Чойджид-Дагини*, М. 1990). Лама говорит над телом мертвой: «Чойджид, с тобой произошло то, что называется смертью. Теперь у тебя нет привязанности к сыну, имуществу и пище» (с. 191).

²⁹ Цит. в переводе В. Г. Боруховича по: Аполлодор, *Мифологическая библиотека*, Л. 1972.

сохраняется, как нам кажется, наиболее архаичный слой мифа о Сфинкс: чудовище сидит на горе и задает загадку *приходящим к нему* фиванцам. Собственно, зачем они приходят к чудовищу? Аполлодор объясняет: «После того как оракул предсказал фиванцам, что они только тогда избавятся от Сфинкс, когда разгадают загадку, многие приходили к этой горе, пытаясь разгадать смысл загадки; когда они не могли этого сделать, Сфинкс, схватив одного из них, пожирала» (*Bibl.*, III, v, 8). Гигин вводит новую подробность: «Между тем Сфинкс, дочь Тифона, появилась в Беотии и стала опустошать поля фиванцев» (*Fab.*, 67), объясняя таким образом почему фиванцы приходили к Сфинкс, желая от нее избавиться. В иконографии Сфинкс, хотя и изображается с крыльями и с львиными лапами³⁰, никуда и никогда не летает и не бегаёт, а сидит неподвижно на колонне или на скале. Заключение само собой напрашивается: к Сфинксу приходят не живые, а мертвые, направляющиеся в Аид. Отгадывая загадку, они входят в страну смерти, а если не отгадывают, то их пожирает чудовище³¹. Гибель Сфинкс как следствие разгадывания загадки может интерпретироваться в том смысле, что душа встречается в загробном мире не с чудовищем вообще, а со своим “личным” чудовищем, как воплощением ее страстей, невежества и т. п. В момент смерти, таким образом, происходит отделение не только души от тела, но также души от ее содержаний, которые принимают форму (если эти содержания очень “насыщенные”) чудовища. Тело предается сожжению, а со своим чудовищем душа встречается в загробном мире. При этом каждое определенное содержание принимает соответствующую чудовищную форму: великанов-людоедов лестригонов, одноглазого Полифема, сладкозвучных Сирен, трехголового Кербера или замеселосой Горгоны, которых странствующая душа убивает (или обманывает) или сама пожирается собственным чудовищным содержанием³².

³⁰ J. E. Harrison, *Cit.*, pp. 207-211.

³¹ Согласно представлениям жителей острова Малекула (Новые Гебриды), чудовищная женщина ожидает душу мертвого при входе в пещеру, которая ведет в страну мертвых. При приближении мертвого она наполовину стирает начерченный на земле лабиринт, который он должен восстановить. Если мертвый *знает* схему лабиринта, то чудовище его пропускает, а если нет – то пожирает его. (M. Eliade, *La nascita mistica*, Brescia 1974, p. 92). Таким образом, и здесь чудовище имеет вполне определенную функцию: проверять степень информированности покойного, благодаря которой он может войти в страну мертвых. О Сфинкс как “a tomb-haunting bogey” см.: J. E. Harrison, *Cit.*, pp. 211-212. В этом отношении весьма показательное изображение Сфинкс, сидящей на могильном холме (χῆμα γῆς). В Мадридском археологическом музее имеется афинская амфора (прибл. 5 в. до н. э.) из гробницы с изображением Сфинкс, сидящей на колонне, с одной стороны, и стоящего человека с протянутой книзу рукой, с другой. Это изображение Сфинкс, думается, можно истолковывать в контексте архаичных представлений о загробной судьбе.

³² Мертвая девушка в тибетской *Истории Чойджид-дагини* говорит о демонических существах, с которыми встречается в загробном мире: «По словам ламы, у которого я прежде получила руководство, внешние формы могут представляться хорошими или плохими, но все они суть заблуждения собственного разума и в действительности своей формы не имеют. Ведь и вы все – Номун-хан и твои слуги – тоже формы моего разума, а в действительности ничего нет. Цвет, форма и прочее, возникнув в моем разуме, почему не исчезают?» Номун-хан отвечает: «Ты поняла, что все возникающие видения – это заблуждения разума. Размышляя над этим, ты познала причину соединения видений и разума. Отказ от накопления заблуждений – это воздвигнутая тобой добродетель. Однако ты прекратила свои размышления и не утвердилась в них, потому и увидела свои видения» (сс. 209-210). Буддистская философия здесь вполне согласуется с архаичными представлениями о посмертной судьбе: покойник видит собственные видения, потому что не опустошился вполне от содержаний своего земного существования, которые в силу этого *оплотняются*, представляясь как отдельные и независимые от сознания существа.

У Гомера ничего не говорится о внешнем облике Сирен, хотя подробно описываются другие чудовища: циклоп, лестригоны, Скилла и Харибда. Сирены прельщают путников не своим видом, а *пением сладким* (λιγυρή θέλγουσιν ἄοιδῆ, XII, 44), оставаясь, однако, *невидимыми*³³. И в самом деле, они сидят на лугу, на котором *человечьих белеет / Много костей, и разбросаны тлеющих код там лохмотья* (X, 45-46). Если бы проплывающие мимо острова люди видели Сирен в таком окружении, то вряд ли бы они поддались очарованию их голоса. Здесь можно предположить следующую схему: привлеченные пением, путники приближаются к острову и, когда видят Сирен, попадают в поле их притяжения, которому, имобилизованные от ужаса, они уже не в состоянии сопротивляться.

После острова Сирен Одиссей проплывает мимо скалы Скиллы, которой он не видит: *Взор обративши на корабль и схваченных вдруг обративши, успел я / Только их руки и ноги вверху над своей головою / Мельком приметить: они в высоте призывающим гласом / Имя мое прокричали с последнею скорбью сердца* (XII, 247-250). Скилла обитает в пещере, которая находится на середине скалы, подымающейся до неба: *Даже и сильный стрелок не достигнет направленной с моря / Быстролетящей стрелой до входа высокой пещеры* (83-84). Таким образом, Одиссей не мог видеть, как Скилла пожирала у входа в пещеру его похищенных товарищей (256-259). О Скилле, о ее внешнем облике и повадках, Одиссей знает исключительно со слов Цирцеи, которая предупреждает его о бесполезности всяких оборонительных мер: *Знай же: не смертное зло, а бессмертное (σὺ θνητ' ἄλλ' ἀθάνατον καλόν) Скилла. Свирепа, / Дико-сильна, ненасытна, сражение с ней невозможно. / Мужество здесь не поможет; одно здесь спасение – бегство* (118-120).

Сирены могут рассматриваться как смягченный вариант Скиллы. Борьба с ними бесполезна: единственное, что можно сделать, – это залепить себе уши или привязать себя к столбу. Сирен невозможно видеть, только слышать. Пронзительный лай, которым без умолку Скилла *всю оглашает окрестность* (XII, 87), контрастирует со сладким пением Сирен. Когда Одиссей и его спутники проплывают мимо скалы Скиллы, они видят и слышат, как перед зевом ужасной Харибды *волны шибались, а в недрах утробы открытом кипели / Тина и черный песок* (XII, 242-243). В этот момент, когда они слухом и зрением привлечены к одному чудовищу, шестерых из них *невидимо и бесшумно* похищает другое, что позволяет предположить о дополнительности функций Харибды и Скиллы: одна отвлекает, а другая в это время похищает, имея, однако, при внешнем разделении одну общую утробу. Аналогичным образом функционируют Сирены: своим пением они отвлекают путников от их *основного пути* и они оказываются на “лугу”, где их пожирает двойничное чудовище³⁴.

³³ Нигде не говорится, что Одиссей видит Сирен, а только слышит: *Влекомый / Сердцем их слушать* (XII, 192-193). Намек на зрительный контакт между кораблем и Сиренами как-будто бы есть: *Сирены увидели мимо плывущий корабль наш* (182). В оригинале, однако, глагол “увидели” отсутствует: (τὸς δ' οὐ λάθην ἀκτύαλος νῆς, букв. «от них не скрылся быстрый корабль»), т. е. остается без уточнения, каким образом Сирены узнают о приближении корабля. В славянском фольклоре пожирательница людей Баба-Яга слепа, что ей, однако, не мешает сразу же распознавать присутствие кого-то чужого в своей избушке.

³⁴ Ср., например, тройничных сестер Грай, дочерей Форкия и Кето, имевших нам троих один глаз и один зуб, которыми они обменивались поочередно (Apoll., *Bibl.*, II, iv, 2), а также Герiona, сына Хрисаора и океаниды Каллирои, имевшего тройное тело (Apoll., *Bibl.*, II, v, 10). Чудовище может быть определено как существо не вполне выделившееся из первоначального хтонического (или утробного)

Описывая подробно Скиллу, Цирцея ничего не говорит о “форме” Сирен, кроме того, что они сидят *на лугу* (ἐν λεϊψῶνι) посреди человеческих костей. Это умолчание представляется весьма многозначительным. Описание Скиллы завораживает своим живописным ужасом:

Страшная Скилла живет искони там. Без умолку лая,
Визгом пронзительным, визгу щенка молодого подобным,
Всю оглашает окрестность чудовище. К ней приближаться
Страшно не людям одним, но и самим бессмертным. Двенадцать
Двигается лап у нее; на плечах же косматых
Шесть подымается длинных, изгибистых шей; и на каждой
Шее торчит голова, а на челюстях в три ряда зубы,
Частые, острые, полные черною смертью, сверкают;
Вдвинувшись задом в пещеру и выдвинув грудь из пещеры,
Всеми глядит головами из лога ужасная Скилла.
Лапами шаря кругом по скале, обливаемой морем,
Ловит дельфинов она, тюленей и могучих подводных
Чуд, без числа населяющих хладную зыбь Амфитриты.
Мимо ее ни один мореходец не мог невредимо
С легким пройти кораблем; все зубастые пасти разинув,
Разом она по шести человек с корабля похищает.

(XII, 85-100)

Из этого описания, между прочим, следует, что задняя часть тела Скиллы всегда скрыта, а наружу она протягивает только свои длинные шеи³⁵, а также, что даже боги побоялись бы с ней встретиться³⁶, т. е. боги верхнего мира никогда не встречаются с демонами (или чудовищами) нижнего, которые для них опасны³⁷. Цирцея знает о Скилле до мельчайших подробностей, как и о всех других обита-

---

единства, и поэтому, являясь на поверхности отдельным существом, внутри оно продолжает соединяться с единой для всех чудовищ основой. И действительно, все чудовищные порождения Кето и Форкия (Hes., *Th.*, 270-350) пребывают неподвижно в том самом месте, где они рождаются — “за Океаном”, “в пещере”, т. е. в нижней, хтонической сфере, — не способные отделиться от своего общего хтонического корня.

³⁵ ἔξω δ' ἐξίσχεται κεφαλᾶς δεινοῦ βερέθρου, | αὐτοῦ δ' ἰχθυῶν, σκόπελον περὶ αὐτῶν... | δελφίνων... («высывает головы из ужасной бездны | и ловит, ошупывая скалу, дельфинов...» 94-96). В греческом тексте не говорится о том, что Скилла пользуется “лапами” для охоты, а только, что τῆς ἧ τοι πόδες εἰσὶ δὴ ὀδοῦκα πᾶτες ἄφοροι («ног у нее двенадцать, все обезображенные». 89). В итальянском переводе слово ἄφοροι передается как *invisibili* (“невидимые”), что, хотя и не соответствует нормативному значению слова, имеет свою логику: “ноги” служат Скилле не для передвижения (она никогда не выходит полностью из своей пещеры-бездны), а для *присоски*, подобно моллюску, к камню, чтобы, так сказать, не вывалиться из своего логовища в то время, как она вытягивает свои шеи, достигая головами моря. Определение пещеры Скиллы как βερέθρου (“бездна”), в которую она всегда наполовину погружена (δέδουκεν), а не просто *скрыта*, можно, думается интерпретировать как сращенность Скиллы со скалой, а “пещеру” (σπέος) как вход в единую для всех “островных” чудовищ, которых встречает в своем странствии Одисей, хтоническую утробу.

³⁶ οὐδέ κ' ἐτις μιν | ἠθροῖεν ἰφθόν, οὐδ' εἰ θεὸς ἀντίσσειε («никто | не рад был бы видеть ее, даже бог, если бы ее встретил». 87-88).

³⁷ Ср. поединок Верховного Бога Зевса с чудовищным Тифоном (Apol., *Bibl.*, I, vi, 3). Вступая в рукопашную, т. е. входя в непосредственный контакт с чудовищем, Зевс терпит поражение и побеждает Тифона *на расстоянии*, сражаясь с ним бросаемыми *сверху* молниями и наконец покрывая его горой.

телях нижнего мира, с которыми встречается Одиссей. И вовсе не потому, что в качестве богини (θεά) она является всезнающей. Боги конкретны, т. е. каждый из них обладает вполне определенной функцией, и поэтому их всезнание может относиться только к какой-то одной определенной космической сфере. Даже Верховный Бог не принимает особо важных решений не посоветовавшись предварительно с другими богами³⁸. Приход Гермеса, бога-посредника между верхним и нижним мирами, на остров Цирцеи указывает, как нам кажется, на первоначальное качество этой последней как Хозяйки Страны Смерти, в силу чего она дает Одиссею точную “информацию”, касающуюся “нравов” ее чудовищных обитателей, без которой он был бы сразу проглочен, если не самой волшебницей, то во всяком случае ее alter ego — Сиренами. Подходя к дому Цирцеи, спутники Одиссея видят: *Там голосом звонкоприятным богиня / Пела* (X, 221-222). Очарованные пением Цирцеи они пьют приготовленный ею напиток, после чего превращаются в свиней, предназначенных на съедение, о чем они, плача и хрюкая, по всей видимости, догадываются. Сирены также прежде завораживают путников, заставляя их забыть обо всем, а потом их пожирают. Можно предположить, что в отличие от Цирцеи, сначала превращающей путников в животных, а потом их пожирающей, Сирены пожирают их сразу, без всяких промежуточных приготовлений.

В этом пункте, думается, возможно обозначить следующую схему отношений между Цирцеей и Сиренами. Цирцея говорит Одиссею: *питья моего ты отведал и не был / Им превращен; а доселе никто не избег чародейства* (X, 326-327). То же самое говорят Сирены, хотя в несколько иной форме, чтобы, как можно предположить, не раскрыть путникам своих истинных намерений: *Здесь ни один не проходит с своим кораблем мореходец / Серцеусладного пенья на нашем лугу не послушав* (XII, 186-187). Отплывая с острова Цирцеи, Одиссей очень быстро и легко достигает острова Сирен: *Тою порой крепкозданный корабль наш, плывя приближался / К острову страшных Сирен, провожаемый легким попутным / Ветром* (XII, 166-168). Путь этот, мимо острова Сирен скалы Скиллы и Харибды до острова Гелиоса, указывает Одиссею Цирцея, из чего можно заключить, что нельзя приплыть к острову Сирен, не остановившись прежде на острове Цирцеи. Однако, если Сирены сидят на лугу, усыпанном человеческими костями, значит комуто все-таки удастся избежать чар Цирцеи и даже доплыть до острова Сирен? Объяснение этого парадокса находится, думается, не в том, что Цирцея обманывает Одиссея, говоря, что никто до сих пор не из-

³⁸ Зевс вопрошает богов: *Боги, размыслите вы и советом сердец положите, / Гектора мы сохраним ли от смерти или напоследок / Сыну Пелея дадим победить знаменитого мужа* (Hom., II., XII, 174-176). Афина предупреждает Верховного Бога: *Молниеносный отец, чернооблачный! Что ты вещаешь? / Смертного мужа, издревле судьбе обреченного общей, / Хочешь ты, Зевс, разрешить совершенно от смерти печальной? / Волю твори, но не все на нее согласимся мы, боги!* (178-181: перевод Н.И. Гнедича). Но даже после того, как Зевс соглашается на смерть Гектора, он берет золотые весы, словно желая еще раз удостовериться в абсолютной предрешенности судьбы героя: *на них он / Бросил два жребия Смерти, в сон погружающий долги: / Жребий один Ахиллеса, другой — Приамова сына. / Взял посредине и поднял: покинул Гектора жребий, / Тяжкий к Аиду упал* (209-213). Верховный Бог, таким образом, подчиняется некому безличному закону, стоящему над всеми богами и определяемому как κῆρ (судьба, жребий). Κῆρ, рожденная Ночью, принадлежит к хтонической сфере бытия, над которой верхние боги не властны, и поэтому знание предназначений, исходящих из этой темной области мира, может быть только относительным, требующей дополнительной проверки.

бег ее чародейства. Она говорит Одиссею совершенную правду, умалчивая только одну “деталь”, знание которой сразу же и безвозвратно парализовало бы Одиссея³⁹. В какой-то момент, приближаясь к острову Сирен, *вдруг успокоился ветер и тишь воцарилась / На море: демон угадил пучины зыбучее лоно* (XII, 168-169). Это прекращение ветра, думается, можно интерпретировать как указание на *иллюзорность движения* корабля Одиссея. В действительности, он никуда не плывет, но происходит трансформация острова Цирцеи в остров Сирен, которая воспринимается “наблюдателями” как перемещение в пространстве. При этом следует принять во внимание иллюзионистский характер воды, моря⁴⁰. Отплывая с острова Цирцеи, Одиссей и его спутники входят в *хтоническую утробу мира*, созерцая, так сказать, его “изнанку”⁴¹.

Спутники Одиссея видят и слышат Цирцею *по сю сторону* острова, а *по ту сторону*, т. е. уже непосредственно в нижнем мире, они слышат голос Сирен, однако не видят их. Здесь возможна следующая реконструкция: выходя из “поля притяжения” острова Цирцеи, критическим (или предельным) пунктом которого является остров Сирен, Одиссей в действительности слышит не голос Сирен, а голос Цирцеи, который зовет его обратно, на “луг”, где путников ожидает вторая и окончательная смерть. Рассказывая об опасностях этого “другого острова” и умалчивая о “форме” его обитателей, Цирцея скрывает от Одиссея, что остров Сирен — это страшная, безвозвратно гибельная “изнанка” ее собственного дома-острова. Это “знание” парализовало бы Одиссея, сделало бы его совершенно неспособным к дальнейшему плаванию, переместило бы его сразу из “дома” Цирцеи на “луг” Сирен.

Здесь возможно, впрочем, возражение, что Одиссей дважды приплывает и отплывает на остров и с острова Цирцеи. Ответ следует, думается, искать в особенностях пространства, в которое попадает корабль Одиссея. Следуя движению этого “кривого” пространства нижнего мира, он, как в воронке, оказывается на острове Цирцеи. В этом пункте происходит максимальное искривление пространства и соответственно максимальное возрастание силы притяжения. И поэтому, чтобы выйти из “поля” острова, Одиссей должен сначала описать круг, крайняя точка которого есть “скала”, под которой сливаются подземные реки, и потом, вернувшись к исходной точке, т. е. обратно на остров Цирцеи, выйти на новую “орбиту”, выводящую уже из нижнего мира в верхний, где остров Гелиоса отмечает границу между двумя мирами. Эта пространственная схема плавания Одиссея вполне соответствует кругообразному движению Океана у Гесиода. По-видимости, Одиссей, гоняемый по морю богами и демонами, посещает только Аид. Если бы нижний мир

³⁹ Ср. самого Одиссея, который не говорит своим товарищам о Скилле, потому что иначе *весла б они побросали от страха и, греть переставши, / Праздно б столпились внутри корабля в ожиданьи напасти* (XII, 224-225).

⁴⁰ Ср. превращения, происходящие на корабле, на котором плывет Дионис: весла и мачты превращаются в змей, весь корабль наполняется виноградными лозами, а сам Дионис превращается во льва, а прыгавшие в воду пираты — в дельфинов (Нупп. Ном. VII; Apoll., *Bibl.*, III, v, 3). О воде как иллюзионистском элементе на материале индийской мифологии см.: Н. Zimmer, *Miti e simboli dell'India*, Milano 1993, pp. 34-56.

⁴¹ Ср. отношения загробного нижнего мира и верхнего мира живых: «когда на земле день, в 3. м. — ночь, у живых — лето, у мертвых — зима, умершие ходят вверх ногами, одежду носят наизнанку, их пища — яд для живых» (В. Я. Петрухин, *Загробный мир*, в: *МНМ*, т. 1, с. 453.).

у Гомера ограничивался только страной теней, т. е. Аидом *sensu stricto*, то на общем фоне архаичных представлений о потустороннем мире он выглядел бы поразительно бедным, как бы вовсе не существующим. В действительности, с самого отплытия из Трои вплоть до прибытия на остров феаков, Одиссей странствует по нижнему миру, из которого, как бы в прорыве через пространство, он выносится на берег родной Итаки:

Быстро (как полем широким коней четверня, беспрестанно
Сильным гонимых бичом, поражающим всех совокупно,
Чуть до земли прикасаясь ногами, легко совершает
Путь свой) корабль, воздвигая корму, побежал, и, пурпурной
Сзади волной напирая, его многошумное море
Мчало вперед; беспрепятственно плыл он; и сокол, быстрееший
Между пернатыми неба, его не догнал бы в полете —
Так он стремительно, зыбь рассекая, летел через море,
Мужа неся богоравного, полного мыслей высоких,
Много встречавшего бед, сокрушающих сердце, средь бурной
Странствуя зыби, и много великих выдавшего браней —
Ныне же спал он, забыв претерпенное, сном беззаботным.
(XIII, 81-92)

Это плавание Одиссей совершает *во сне*, а просыпаясь *не узнает* своей родной Итаки (XIII, 188), после чего Посейдон превращает корабль феаков в камень, а их город задвигает горой, прекращая сообщение между двумя мирами. Таким образом, Одиссей возвращается не с одного из затерявшихся в море островов, а из другого пространственно-временного измерения. И если бы Афина в образе пастуха (XIII, 190) не сообщила ему, что он находится на Итаке, то он оставался бы в полном неведении о месте, куда его высадили феаки. Превращение Одиссея в старца (XIII, 430-433) также может рассматриваться как следствие перехода из безвременья нижнего мира, всегда равного себе самому, в реальное земное время, где все изменяется. В этом отношении особо проясняющим может, как кажется, служить ирландское сказание о плавании Брана. Бран достигает Страны Женщин, но на берег он сойти не решается. Тогда «женщина бросила клубок нитей прямо в него. Бран схватил клубок рукою, и он пристал к его ладони. Конец нити был в руке женщины, и таким образом она притянула ладью в гавань. Они вошли в большой дом. Там было по ложу на каждом двоих — трижды девять лож. Яства, предложенные им, не иссякали на блюдах, и каждый находил вкус того кушанья, какого желал. Им казалось, что они пробыли там один год, а прошло уже много лет»⁴². Нить, которая пристает к ладони Брана, втягивает его в другое время-пространство. И когда он возвращается в реальное время-пространство, один из его спутников «едва коснулся он земли Ирландии, как тотчас же обратился в груды праха, как если бы его тело пролежало о в земле уже много сот лет»⁴³. Таким образом, если бы не вмешательство богини Афины, крайне заинтересованной в судьбе Одиссея, то и он после возвращения из «страны без возврата», превратился бы в груды праха. В тот момент, когда Одиссей входит в измерение нижнего мира, время для него останавливается. И поэтому в

⁴² Плавание Брана, сына Фебала, в: *Исландские саги. Ирландский эпос*, М. 1973, с. 673.

⁴³ Там же.

действительности Афина не превращает Одиссея в старика, но останавливает процесс распада, которому он становится подверженным в реальном времени, постепенно затем омолаживая как его самого, так и состарившуюся Пенелопу, и вселяя силу и бодрость в совсем одряхлевшего Лаэрта.

Реконструируя архетипический “каркас” странствия Одиссея, к которому, разумеется, не сводится поэма Гомера, можно с достаточным основанием утверждать, что из Трои отплывает корабль не с живыми воинами, а с *мертвыми*, которые направляются на Острова Блаженных, что-то вроде скандинавской Вальгаллы, рая павших в бою воинов. На этом своем пути они должны преодолеть различные препятствия, которые ожидают мертвого в нижнем мире, и поэтому очень немногие добираются до этой Итаки Вечного Успокоения героев. Протей вещает царю Менелая:

Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:
Ты не умрешь и не встретишь судьбы в многоконном Аргосе;
Ты за пределы земли, на поля Елисейские
Послан богами — туда, где живет Радамант златовласый
(Где пробегают светло беспечальные дни человека,
Где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает;
Где сладкошумно летающий веет Зефир, Океаном
С легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным).

(*Od.*, IV, 561-568)

Менелай может спокойно ожидать этого безболезненного перенесения на остров вечного блаженства, потому что он супруг *Елены и зять громовержца Зевса* (569). Одиссей же, чтобы добраться до этого самого острова, должен бороться с богами и чудовищами, одолевая хитрости, чинимые зловредными демонами, и в концов, оказавшись на своей Итаке, не узнает ее, а дом свой находит разоренным и оскверненным. А окончив свои труды, он опять должен отправиться в новый путь, уже не по морю, а по земле в неведомую страну людей, *моря не знающих, пища своей не соящих* (XI, 123). Есть своя логика в том, что в поздней версии мифа отцом Одиссея называется не Лаэрт, а Сисиф (Нуг., *Fab.*, 201), обманувший даже богиню смерти, единственный из умерших, благодаря своей хитрости, возвратившийся из страны смерти на землю (Theogn., 701 sgg.). Не его ли судьбу повторяет Одиссей, который отказывается быть мертвым и в конце концов находит свою Итаку, заставляя даже богов согласиться с его возвращением.

Требуют боги, чтоб был он немедля тобою отослан;
Ибо ему не судьба умереть далеко от отчизны;
Воля, напротив, судьбы, чтоб возлюбленных ближних, родную
Землю и светлоустроенный дом свой опять он увидел.

(V, 112-115)

Сокращения

Apoll., <i>Bibl.</i>	Аполлодор, <i>Библиотека</i>
Apoll., <i>Epit.</i>	Аполлодор, <i>Эпитама</i>
ApolW. Rhod.	Аполлоний Родосский, <i>Аргонавтика</i>
Eur., <i>Hel.</i>	Еврипид, <i>Елена</i>

Hom., <i>Il.</i>	Гомер, <i>Илиада</i>
Hom., <i>Od.</i>	Гомер, <i>Одиссея</i>
Hes., <i>Th.</i>	Гесиод, <i>Теогония</i>
Hug., <i>Fab.</i>	Гигин, <i>Мифы</i>
Plat., <i>Resp.</i>	Платон, <i>Государство</i>
Plut., <i>Quest. conv.</i>	Плутарх, <i>Застольные вопросы</i>
Theogn.	Феогнид
Verg., <i>Aen.</i>	Вергилий, <i>Энеида</i>

Sirene ali potovanje po deželi smrti

M. Yevzlin

V članku avtor interpretira starogrška htonska "pojoča" božanstva sirene, ki so opisane predvsem v Homerjevi Odiseji, pa tudi v poznejših antičnih virih (Heziod, Apolodor). Na začetku obravnava avtor kozmološke parametre Homerjevega dela, predlaga precej inovativen pogled na strukturo in organizacijo sveta in poudarja htonski karakter kozmosa, v katerem se Odisej premika. Potovanje junaka na Itako je podobno potovanju v deželo mrtvih preko različnih elementov htonskega sveta. Posebna pažnja je posvečena semiotični razlagi srečanja Odiseja s sirenami. Prispevek vsebuje tudi tipološko primerjavo siren z drugimi htonskimi bitji iste mitološke tradicije (harpije, Scila in Karibda in dr.). V splošno-mitološkem okviru "htonizma" so analizirani tudi drugi motivi grške epske tradicije.